

Он, она и пушистый детектив

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Он, она и пушистый детектив

Анна и Сергей Литвиновы

Влада Ольховская

Татьяна Викторовна Полякова

Евгения Михайлова

Марина Крамер

Людмила Мартова

Екатерина Барсова

Великолепные детективные истории

Сколько радости нам приносят любимые домашние животные! Они могут выслушать, утешить, составить компанию... и даже помочь расследовать запутанную историю! Именно это происходит в остросюжетных рассказах Татьяны Поляковой, Анны и Сергея Литвиновых, Евгении Михайловой и других писателей из нового сборника «Он, она и пушистый детектив». В них лохматые и хвостатые четвероногие любимцы как могут помогают своим хозяевам не только раскрыть криминальную тайну, но и найти свою любовь и счастье!

Анна и Сергей Литвиновы, Влада Ольховская, Людмила Мартова, Екатерина Барсова, Татьяна Полякова, Евгения Михайлова, Марина Крамер

Он, она и пушистый детектив

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Анна и Сергей Литвиновы

Экклезиаст ведет расследование

Из рассказов частного детектива Паши Синичкина

Весной все обостряется.

Первыми это замечают влюбленные, врачи-гастроэнтерологи и психиатры.

Но и частные сыщики – тоже. На этот период приходится бум слежек за неверными супругами – да и за партнерами по бизнесу тоже. Поэтому в апрельские денечки ко мне в офис порой натуральная очередь стоит. Так и в этот раз. Чтобы принять следующую посетительницу, мне пришлось выпроваживать предыдущую через запасную дверь, ведущую прямо из моего кабинета в другой коридор. Промариновав просительницу еще минут семь, я попросил мою Римку ее ввести. «Ладно», – буркнула секретарша в интерком весьма неласково, из чего я досрочно понял: клиентка будет девушкой видной. И в моем вкусе. Уж что-что, а за годы совместной работы секретарша мой вкус познала лучше меня самого.

И впрямь: девчонка, пришедшая ко мне, оказалась особой эффектной. Длинные ноги. Короткая юбка. Высокие каблуки. И, главное, глаз горит. При взгляде на нее я сразу понял: что-то между нами да будет.

– Присаживайтесь, – бросил я. – Что привело вас ко мне?

Она уселась, целомудренно одергивая юбку – а на деле привлекая дополнительное внимание к своим ножкам.

– Я работаю в газете, – она назвала, я такой никогда не слышал, – и хотела бы взять у вас небольшое интервью. – Девушка достала из сумочки и протянула мне визитку. Екатерина Маврина, никогда не встречал. Да и откуда мне встретить, я ведь газет не читаю. Разве что «Советский спорт», да и то в Интернете.

– Слушаю вас внимательно.

– Вы не возражаете, если я воспользуюсь диктофоном? – Девушка положила на мой стол свой мобильник, включила видеокамеру и нажала пуск.

Далее последовали вопросы, на которые я уже замучился отвечать – от знакомых и журналистов, которые, да, и раньше встречались в моей жизни. Случались ли в моей практике перестрелки, потасовки и прочие силовые действия? Кто из знаменитостей к моим услугам прибегал? Доводилось ли мне нарушать закон и какие у меня отношения с правоохранителями?

Я отвечивал, коротко и емко. Когда мне надо, я умею произвести впечатление. Екатерина смотрела на меня почти восхищенно.

Когда интервью подошло к концу, она сказала: «Когда я напишу, я позвоню вам. Согласуем статью». А я на это: «А зачем тянуть? Начнем согласовывать прямо сейчас. Например, рядом с моим офисом расположен парк «Кусково». Погуляем по аллеям. А как проголодаемся, зайдем в кафе или ресторан. Я угощаю».

Екатерина мне отвечала в смысле, что ход моих мыслей ей в принципе нравится, но сегодня она никак не может разделить со мной досуг или трапезу, сильно занята, но вот если я ей позвоню на недельке, то она, типа, сможет пересмотреть ради меня свое расписание. Так и договорились, и я проводил гражданку Маврину мимо своей Римки, которая смотрела на нас разъяренной мегерой.

С секретаршей моей Римкой отношения у меня сложные. Мы мирно проработали несколько лет, покуда она не возомнила, что влюблена в меня и хочет за меня замуж[1 - Подробнее об этом можно прочесть в романе Анны и Сергея Литвиновых «Бойся своих желаний» (издательство «ЭКСМО»).]. Я дал слабину, и мы даже съездили вместе за границу. Но после пары месяцев совместной жизни она сказала, что допустила ужасную ошибку и просит меня освободить ее от своего присутствия. И ушла из личной жизни моей, и с работы уволилась. Я

перебивался с разными бездарными и туповатыми помощницами битый год, пока Римка наконец не возникла снова и не попросила меня принять ее обратно – пока только на роль секретаря. Притом что не раз и не два она мне заявляла, что мы не созданы друг для друга, она в то же время крайне негативно относится к гражданкам, к которым я проявляю не служебный, а личный интерес.

А Екатерина меня, признаюсь, захватила. Поэтому вечером, из дома, я даже пробил ее, а также средство массовой информации, которое она представляла, по всем возможным базам и социальным сетям.

А еще через пару дней она сама позвонила мне, щебетала весело и кокетливо (весна все-таки), и мы в результате беседы уговорились пропустить пункт «культурные мероприятия» и приступить непосредственно к мероприятиям развлекательным, а именно посещению ресторана. Я предложил проверить «Настойки и наливки» на Маросейке.

В заведение она пришла одетой гораздо более скромно, чем первый раз. Оно и понятно: изначальное впечатление Екатерина произвела. Теперь начиналось самое интересное: флирт. Своего рода танец для двоих, который облегчает (или утяжеляет, как получится) совместный путь в койку. И подогревает градус будущей любви.

Моя профессия предполагает умение допытываться и внимательно слушать, а мало что бывает более приятно девушке, чем неприкрытый интерес к ее особе. Я выпрашивал Катрин о ней, любимой. Она охотно щебетала. В ее рассказе она представала служительницей всех возможных муз, нечто вроде да Винчи в юбке. Екатерина, оказывается, не только статьи писала, но и картины акварелью, и в театре играла, и в кино. «Правда, в кино пока одни эпизоды, но тут меня в сериал утвердили, подруга героини, пять съемочных дней».

– А в театре ты кого играешь?

Екатерина скромно потупилась:

– Кормилицу в «Ромео и Джульетте». И Белочку в утренниках.

Попутно я не забывал вливать в нее заявленные в названии ресторана настойки и наливки. В итоге, когда прибыло вызванное мной такси, мы уселись вместе на

заднее сиденье и начали целоваться, когда водитель не выехал еще из ресторанный двора. Поэтому ничего удивительного, что следующее утро застало меня в ее постели.

Так начался наш короткий и бурный роман. В кровати девушка оказалась особой страстной, в меру умелой и ласковой. А по ходу дела я узнавал симпатичные подробности ее жизни. Выяснилось, что Екатерина родом не из Москвы, по окончании театрального, три года назад, зацепилась за столицу. Снимает квартиру на пару с подружкой, тоже актрисулей. Бегают по кастингам и пробам. На телевидении порой играет маленькие роли в дневных шоу. Разные сплетни, что становятся ей известны по ходу, сливает, под псевдонимом, в газету «XXX-пресс». Она даже прониклась и подарила мне акварельку собственного производства. Я в живописи понимаю слабо, но картина мне понравилась. В основном позитивным мироощущением. Изображены были берег моря, лодки, маяк, жара, парус. Я сказал Кате, что повешу акварель в офисе.

– Смотри, чтобы твоя секретарша ее не изрезала, – предостерегла Катя, из чего я сделал вывод, что она не только умна, но и наблюдательна.

– Ничего, – успокоил я, – не скажу, что она твоя. Скажу, что художника НН, с которого я снял обвинение в педофилии.

По ходу нашего романа выяснилось, что на длинные майские выходные ни она, ни я из Москвы никуда не уезжаем. В связи с ростом курса цены за границей для русских возвысились катастрофически. Но я вкручивал Катерине иное: зачем выезжать, ведь лучше мая ничего прекрасней в столице не бывает – и не кривил душой. А она заверяла меня, что не отправляется на отдых оттого, что весна – время запусков разнообразных сериалов, поэтому ей придется бегать на кастинги.

На самый Первомай она пригласила меня на дачу к своим друзьям. По каким-то мало уловимым признакам я понял, что мое общество для нее в этот раз важно. Коль скоро далеко ее родители, она, видать, хотела, чтобы меня оценил ее круг. А я что? Я себя не стесняюсь. Готов предстать пред взыскательными взорами ее друзей в полной своей красе.

Дача, где нас ждали, оказалась от Москвы настолько далеко, что была, скорее, близко к Петербургу. По праздничным пробкам мы тащились туда так долго, что

неоднократно пришлось останавливаться: первый раз на заправке, по Катериной просьбе, чтобы справить естественные надобности, другой раз по моему требованию, чтобы пообедать, и в третий – в глухом тверском лесу (по обоюдному согласию), чтобы предаться стремительной любви.

Если друзья Кати, когда выбирали место для возведения собственного особняка, искали самую глухомань, то они достигли своей цели. Дорога с автостреды плавно ухудшилась до изрытой ямами двухполоски, а потом до покрытой лужами грунтовки. Промелькнул поселок – половина домов заколочена, в бывшей церкви давно провалилась крыша. Еще километров десять, и мы подобралась к нашей цели. В блеске весеннего солнца бликовала река. «Надеюсь, это не Енисей», – пошутил я. Моя спутница оценила шутку.

По-над рекой, почти на самом крутом берегу, возвышался особняк. Никаких заборов или плодовых деревьев. Счетчик километража показывал триста пятнадцать от Москвы. Вокруг нетронутая трава, а в ней – пара живописно разбросанных автомобилей: неслабых – «Рейндж Ровер», «Порше Кайен». «Гости уже собрались», – шепнула мне Катя.

Мы выбрались из машины. Воздух и впрямь был чистейший, хоть закупоривай его в банки и отправляй в столицу на продажу. Наперебой заливались весенние пичужки. Неподалеку от особняка начинался лес, одевающийся, словно в зеленый пух, в молоденькие, многообещающие листочки.

Я достал из багажника наш скромный вклад в грядущую трапезу: пару бутылок виски, джин и сухое. Катерина вытащила собственноручно испеченные пирожки с рисом-яйцами: «Как бабушка делала». Разумеется, пирожками ей хотелось произвести впечатление не столько на своих приятелей, сколько на меня. Скрывать не буду, ей это удалось.

На высокое крыльцо вышла встречать нас хозяйка. «Марина, – шепнула мне Катя. – Актриса. Жена». Марине было лет под сорок, а может, все сорок пять. То ли оттого, что моя спутница сказала, что женщина из артистических кругов, то ли потому, что внешность у нее была самая типичная, мне показалось, что я хозяйку где-то видел. Типаж у нее был свойской бой-бабы. Полная, но не рыхлая, а плотно сбитая. Мощные руки, короткие толстые пальцы с вызывающим алым маникюром. Такими в старых советских фильмах изображали продавщиц пива и прочих буфетчиц.

– Явились – не запылились, – густым, хорошо поставленным голосом приветствовала нас хозяйка. – Ну, давай, Катюха, знакомь меня со своим. Ишь, какого молодчика отхватила! – И она, еще до представления, фамильярно шлепнула меня пониже спины. От того, как зажглись при виде меня ее глазки, и от исходящего от нее крепкого запаха алкоголя я понял, что баба она и впрямь не промах, и муженек (если только он у нее имеется) от нрава ее, вероятно, немало страдает.

После процедуры знакомства мы вошли в дом. Внутри он оказался с легким индуистским привкусом – что совершенно контрастировало с хабалистым образом хозяйки. Где-то курились благовония, наполняя воздух ароматом жженого дерева. В прихожей всех встречал Ганеша в половину человеческого роста из черного дерева. Свет был приглушен, задрапирован цветастой материей. Исподволь наигрывала восточная музыка: ситары всяческие или, я не знаю, саранги.

К нам подошел и стал знакомиться, обнюхивая, абсолютно черный наглый кот.

– Брысь, Эkki, – отогнала его хозяйка.

– Эkki? – удивился я. – А какое полное имя?

– Эkkлезиаст.

«Ого», – только и оставалось воскликнуть про себя.

Тут возник хозяин – и вот он к реквизиту из фильма «Зита и Гита» подходил идеально: бледный, болезненно худой человек лет сорока пяти. Буквально кожа и кости. Глубокие тени под глазами. «Гена», – сказал он и подал холодную, влажную руку.

«Он тоже актер», – шепнула мне Катя, когда мужчина отошел. Но его я нигде раньше не видывал – впрочем, может, в массовке заключенных концлагеря.

Мы прошли в гостиную-столовую. Она была в два цвета и огромной, площадью метров пятидесяти. Как полагалось в архитектурных журналах, делилась на две зоны. Одна – для отдыха, с длинным диваном, креслами, камином, здоровенным

телевизором. И вторая – столовая, где царил длинный стол с восемью пока не занятыми стульями.

Стол оказался накрыт закусками. Мы с Катей передали хозяйке наш вклад в трапезу. Часть моих бутылок отправили в холодильник, часть выставили. Катины пирожки вывалили на блюдо. Наскоро мне были представлены остальные гости.

С особенным почтением все присутствующие относились к стройной даме в эффектном брючном костюме. Немудрено, если род занятий ее произносился собравшимися с придыханием: Эльвира, продюсер. Даме на вид было лет тридцать пять, что означало в действительности, что ей под пятьдесят. Ее сильно выдавала неестественно натянутая и блестящая кожа на лице. Когда нас представляли друг другу, в ее глазах, как и у хозяйки дома, вспыхнул огонек специфически женского интереса. Вспыхнул – но, слава богу, сразу погас. А то потом не отобьешься, и никакая юная Катерина не поможет – тем более что она, как и большинство здесь собравшихся, была от продюсерши Эльвиры, похоже, сильно зависима.

Присутствовала еще одна пара: седой и длинный, молчаливый господин и его супруга, легко годящаяся в ампула: «графиня со следами былой красоты». Господин сам представился мне, протянув руку: «Вениамин, брат». На мой резонный вопрос: «Брат – чей?» – он ответил просто: «Хозяина, Гены». «Графиню со следами былой красоты» звали Верою.

Наконец суматоха, вызванная нашим приездом, утихла, и хозяйка пригласила всех к столу. Рассадку она осуществила таким образом, что мы с Катей оказались лицом к брату Вениамину, «графине» Вере и продюсерше Эльвире. Еще одно место напротив нас оказалось вакантным. В одном ряду с нами оказались исхудавший хозяин, а также дебелая хозяйка.

Хозяйка вдруг зычно выкрикнула, адресуясь куда-то на второй этаж: «Андрей, к столу!» Через пять минут спустился меланхоличный Андрей – полный молодой человек лет двадцати, со скупающей и презрительной физиономией. Из уха его тянулся проводочек наушника. Вот для кого пустовало место – Андрей занял его напротив нас.

Со стороны кухни, смежной со столовой, выскользнула девушка с блюдом румяных, горячих пирожков.

– Это самосы! – провозгласила хозяйка Марина. – Национальное индийское блюдо. – И скомандовала: – Арина, раскладывай!

Если б не столь ясно обозначенный статус девушки: за стол ее не посадили и «Арина, раскладывай!», – я бы принял ее за дочь хозяйки. Девушке было годика двадцать три, и была она столь же, как Марина, мощна и ядрена, с крепкими плечами, руками и икрами. О том, что она является прислугой, свидетельствовала также ее одежка: чистенькая, но застиранная и очень бедненькая, прямо-таки грошовая.

Провозгласили первый тост, за Первотой. Все (кроме прислуги, скрывшейся в кухне) выпили, поели, а потом начался всеобщий разговор: как всегда, когда собираются незнакомые и малознакомые люди, обо всякой ерунде: продуктах в магазинах, планах на отпуск, сериальных премьерах. Затем сбились на киношные байки, и тут солировали хозяйка Марина и продюсерша Эльвира. Хозяин Гена в основном отмалчивался, но иногда вставлял пару-другую реплик и охотно смеялся шуткам продюсерши (и криво улыбался на рассказы жены).

Потом оказалось, что многие курят. Все встали, пошли во двор. Ближе к вечеру птицы, и без того наяривавшие в столь укромном уголке, разгалделись вовсю. Наконец хозяйка позвала всех в дом и возвестила: «А сейчас – горячее! Всех прошу за стол!» Прикрутили наконец звучащую под сурдинку назойливую индуистскую музыку и включили яркий свет: огромную люстру под потолком и настенные светильники. Девушка Арина вынесла из кухни огромное блюдо с рисом и кусками курицы. «Курица в соусе карри и рис по-индийски!» – торжественно провозгласила Марина. Попробовали, «графиня» Вера воскликнула: «О, как вкусно!» – создавалось впечатление, что она подлизывается: «Мариночка, как ты это готовишь?» Хозяйка, торжествуя, давала пояснения:

– Рис варю, как обычно. Потом сливочным маслом, растопленным, заливаю и прогреваю минут десять в духовке. А в цыпленке все дело в соусе. Я тушу его в бульоне, куда добавляю муку, лук, собственно карри и яблоки.

Тут вдруг высказался ее муж, задохлик Гена. Он произнес отчетливым шепотом, в стиле «реплики в сторону» – но так как дикция у него была по-театральному поставлена, то слышно оказалось абсолютно всем:

– Только готовила это совсем не ты, а Аришка.

Хозяйка метнула в него обжигающий взгляд. И тут произошло нечто, смысла чего в первый момент никто не понял. Кто-то – например, брат хозяина Вениамин – даже рассмеялся, решив, что его родственник просто дурачится. Да и все поначалу решили, что это прикол такой. Хватив виски, хозяин, subtilный Гена, вдруг захрипел, стал ловить ртом воздух. Потом он неловко осел на стуле. На губах его показалась пена. А затем он, опрокинув свой стул, повалился на пол.

– Ну, будет, Гена! – недовольно высказалась Марина. – Полно дурачиться!

Но только Гена не отвечал. Он неловко дернулся на полу, а потом вытянулся и недвижимо замер. Все словно остолбенели. Марина бросилась к мужу и стала трясти его:

– Гена, Гена, да что с тобой!

Но тот не отвечал, и только голова его безвольно моталась по полу.

– Марина, оставь его! – гаркнула продюсерша Эльвира. А потом обратилась ко всем: – Есть здесь врач? Умеете оказывать первую помощь? – Меня когда-то, в школе милиции, учили – но было это кучу лет назад, и к живому человеку свои скромные умения я бы применять никогда не рискнул. А так как никто, включая меня, не двинулся с места, она бросила: – Надо вызывать «Скорую», – схватила свою сумочку и нажала на телефоне кнопку быстрого доступа.

Дальнейшие события показали, насколько современный человек, не исключая такого бравого мэна, как я, бывает незащищен и беспомощен перед лицом вдруг нагрянувшей смерти. Да, мы попытались что-то сделать. Неумело орудовали, вроде осуществляя искусственное дыхание. Расстегнули Гене рубашку до пупа. Попытались вдуть ему воздух в рот. Но все было бесполезно. Он не шевелился и не дышал. Постепенно до нас стал доходить весь ужас создавшегося положения. Прямо на наших глазах уходил из жизни сравнительно молодой, полный жизни (несмотря на всю свою худобу) человек. Да, практически – ушел. Он не дышал, лицо его замерло и обострилось. И мы ничем не смогли ему помочь, только растерянно и бестолково толкались у тела. Марина подложила своему мужу подушку под голову. Она тихо заплакала. Полный ее сын Андрюша выглядел

остолбеневшим – проводок из уха он тем не менее не вынул. На пороге кухни стояла и смотрела во все глаза на происходящее Ариша.

Примерно через двадцать минут – удивительно быстро, учитывая чертову даль, в которую мы забрались, – явилась «Скорая помощь». Фельдшер со скучающим лицом послушал пульс, даже приладил на безжизненной руке хозяина манжетку переносного кардиографа. Но из прибора потянулась печальная, ровная, не отягощенная зубцами линия. Все было кончено. Фельдшер снял с дивана покрывало и накрыл им бедного хозяина с головой.

– Внезапная смерть, – проговорил он на прощание. – Возможен криминал. Я должен сообщить в полицию.

Марина снова заплакала. На лице брата Вениамина вдруг промелькнула мгновенная торжествующая гримаска. И только прислуга Арина, прибежавшая из кухни, вдруг бросилась сверху на прикрытое пологом тело Гены и стала по-бабьи причитать над ним и плакать.

Я подошел к кушаньям и напиткам, что потреблял перед смертью покойный. Понюхал. Его бокал источал очевидный запах миндаля.

– Господа, – проговорил я, – а ведь хозяин, вполне вероятно, был отравлен.

На миг воцарилась тишина. Замерла и затихла на теле оплакивавшая Геннадия прислуга. А затем послышался строгий голос продюсерши Эльвиры: «Внимание! Я прошу всех выслушать меня! Кто это сделал? Я предлагаю тому, кто совершил убийство, признаться прямо сейчас, до прихода полиции».

Моя Катя, вся побледневшая, ни кровинки в лице, вцепилась мне в руку. Ее ногти впились мне в ладонь. Немая сцена продолжалась. Все переводили взгляды друг на друга. Эльвира – на Марину. Вениамин – на юношу Андрея. Вера – на нас с Катей. И только Ариша, казалось, не замечала ничего, стояла на коленях у тела и оплакивала формально чужого ей человека. Впрочем, чужого ли? С какой стати она так убивалась?

И тут снова высказалась продюсерша. В пиковой ситуации особенно заметно стало, что она женщина, привыкшая командовать и повелевать.

– Раз никто не хочет признаваться – я не желаю, чтобы в моих делах и моей личности копались всякие малограмотные районные полицейские. Екатерина мне поведала, – ее взгляд устремился прямо на меня, – что вы, Павел, являетесь частным детективом. Это так? – Я смиренно подтвердил, что она права. – Тогда вам следует, – голос дамы звучал непреклонно, – раскрыть это дело, здесь и сейчас, до того момента, как тут начнут шнырять отечественные полисмены, доморощенные Шерлоки. Чтобы мы им предъявили уже готового обвиняемого, желательно вместе с его признанием.

Признаться, я слегка потерялся.

– Но дело так быстро не делается. – Пробормотал: – Подумать только, вы хотите, чтоб я раскрыл убийство, да еще в пожарном порядке, до приезда полиции.

– Не кокетничайте, – отрезала Эльвира. – Кто знает, когда полицейские до нас доберутся. Сегодня праздничный день, все пьют, и полисмены не исключение. Берите, Павел, бразды правления в свои руки.

Я оглянулся по сторонам. Катя смотрела на меня с надеждой. Она шепнула: «Давай, дорогой, у тебя получится». Да и остальные – Вениамин, «графиня» Вера, хозяйка Марина и даже малахольный Андрей взирали на меня, словно я был если не мессией, то его младшим братом.

– Ради бога, – развел я руками. – Я попробую. Но я ничего не обещаю. – И я как бы мысленно нацепил на себя мундир расследователя и через минуту, ощущая себя в новом качестве – на работе, обратился к вдове: – Я вижу, в доме много видеокамер. Как и где я могу получить к ним доступ?

Взор Марины заметался:

– Я... я не знаю. Этим только муж занимался. Я представления не имею, как тут все устроено. Есть ли пульт какой, или он через компьютер всем управлял? Нет, нет, я совершенно ничего не знаю.

– Тогда это отложим. Давайте так. Я побеседую с каждым из вас. В отдельной комнате. А остальные, прошу вас, по ходу, не обсуждайте с товарищами по несчастью обстоятельства дела. А первой, – я обратился к продюсерше, – я попрошу вас.

Она криво усмехнулась:

– По принципу, кто предложил, тому и отвечать? Что ж, идемте. – И она сама указала мне на кухню. Да, это помещение, смежное со столовой-гостиной, и мне представлялось наиболее удобным для опросов свидетелей. Все рядом, далеко ходить не надо. Мы вошли в кухонное помещение, и я закрыл за нами дверь в столовую. Продюсерша первая заняла место за столом. Я уселся напротив.

– Кто убил Геннадия? – с места в карьер спросил я, внимательно отсматривая реакцию визави.

– Помилуйте, откуда я знаю?!

– Вы убили его?

– Нет. – Тут, по моим наблюдениям, она, как мне показалось, не соврала. Но все-таки что-то она скрывала, какой-то камень за пазухой имела. Я продолжил опрос:

– Кому выгодна смерть Геннадия? Кто выгодоприобретатель?

– Представления не имею.

– Наверное, Марина? – подсказал я. – Она жена. Она и сын, они ведь все после него наследуют?

Продюсерша покачала отрицательно головой:

– Не так все просто. Насколько я знаю, они официально были не расписаны. Жили, что называется, во грехе. И только собирались пожениться. Вроде бы этим летом, на Петра и Февронию, планировали и обвенчаться, и расписаться.

– А сын, этот Андрей?

– Он только ее, Марины, отпрыск. К Гене никакого отношения не имеет. От первого Марининого мужа – они развелись лет пятнадцать назад.

– Как они вообще жили, хозяйка и покойный? Насколько были обеспечены? Чем зарабатывали?

– Я с ними знакома давно, сначала с Мариной, потом и с Геней. Они вместе живут уже лет десять или, скорее, двенадцать. Гена из очень богатой, старой артистической семьи. Тоже, как и Марина, закончил театральный. Особых звезд с неба не хватало. Как я понимаю, все – дом, карьера и деньги – было на ее плечах. А он по жизни порхал. Увлекался то тем, то другим, то пятым, то десятым. В последнее время, например, стал упертый веган и йогой очень серьезно занялся. В Индию ездил за просветлением. Впрочем, эпизодики и кое-какие небольшие роли режиссеры ему подкидывали. Сказывалась поддержка Марины и старых друзей, – под «старыми друзьями» продюсерша, похоже, имела в виду себя. – Однако Гена изначально был человеком небедным, и не все родительское состояние успел профукать. Этот дом, к примеру, где мы находимся, – как я знаю, построен на Генины деньги. Они как раз продали участок, доставшийся ему от родителей – запущенный, зато находящийся рядом с Москвой, и на вырученные средства этот дом возвели и обустроили. Вдобавок ему осталась роскошная квартира в центре Первопрестольной, они с Мариной ее сдают.

– Так, значит, формальный наследник покойного – его брат? Этот самый Вениамин?

– Думаю, да. Больше родственников у Гены нет.

– А Вениамин кто таков?

– С ним я знакома мало. Он не из наших сфер, – последнее продюсерша произнесла так, что становилось ясно: всех тех, кто непосредственно не занят делами киношными-телевизионными, она считает гражданами второго сорта. – Занят каким-то бизнесом. По-моему, родители и его тоже неплохо обеспечили, однако давали ему при жизни деньгами, чтобы Веня раскрутился. Так что он не должен быть на Гену в обиде – впрочем, чужая душа потемки.

– Да и деньги никогда лишними не бывают. Выгодоприобретателем смерти, выходит, становится Вениамин?

- Похоже, что так, - пожала плечами Эльвира.

- А прислуга Ариша? Почему она так убивается? У них с Геннадием что, имелись интимные отношения?

- Понятия не имею. Ни он со мной на эту тему не делился, ни Маринка никогда не жаловалась.

Я видел, что продюсерша в целом искренна со мной, хотя чего-то недоговаривает. Хотелось бы мне знать чего. Впрочем, у следователя имеется свое преимущество: спрашивать обо всем без обиняков.

Эльвира в ответ на мой прямой вопрос, о чем она умалчивает, только расхохоталась.

- Я скрываю? Разве только то, что вы мне нравитесь. Нравитесь - и как мужчина, и как герой. Вы, Павел, умный и харизматичный. Хотите, я вам пробью шоу на телевидении? Идею и тему продумаем вместе? - Она испытующе поглядела на меня и покрутила на пальце кольцо с бриллиантом - бриллиант был огромный, карат на пять.

Я сделал отстраняющий жест руками:

- Давайте мухи - отдельно, котлеты - отдельно. Я сейчас веду расследование, по вашему же заказу. И вы, наряду со всеми остальными, находитесь под подозрением. Поэтому, - с легкой учтивой улыбочкой заметил я, - ваше предложение можно расценить как попытку подкупить следствие.

Она хрипло засмеялась:

- А вы, Паша, не столь просты, как кажетесь на первый взгляд. Ладно, отыщите убийцу, тогда и поговорим о вашем будущем шоу.

- Я вас больше не задерживаю.

Эльвира встала. Пока я провожал ее до дверей, то размышлял, кого мне вызвать на допрос следующим. Отравление - преступление преимущественно женское,

подумалось мне. Выпуская из кухни продюсершу, я выглянул в гостиную и оценил обстановку. В глазах Катерины, когда мы вдвоем с Эльвирой показались на пороге, промелькнула ревность. Юный Андрей, Вениамин и его супруга Вера выглядели совершенно индифферентными – иными словами, болтались по гостиной, как не пришей кобыле хвост. Хозяйка Марина сидела за столом, закрыв лицо руками. И в точно такой же позе глубокой скорби пребывала Ариша. А на тело покойника, укрытого с головой покрывалом с дивана, взгромоздился, свернувшись калачиком, кот Вельзевул – или, тьфу, черт, как там его звали – Экклезиаст? Его никто не гнал.

Я в последний момент придумал пригласить к себе на допрос Веру – «графиню со следами былой красоты». По двум причинам: и преступление, по ходу, женское, и выгодоприобретателем, судя по словам Эльвиры, является эта семейка.

Я указал женщине на стул и с лету спросил, вперившись ей в зрачки:

– Вы убили Геннадия?

Она нервно расхохоталась:

– Господь с вами, с чего вы взяли?

– Его отравил ваш муж?

– Да нет же, отчего?!

– Вениамин и вы – прямые наследники Геннадия.

– И что, значит, сразу надо убивать?

– Вы знали, что они с Мариной формально не женаты? Что вот-вот собирались пожениться?

– Знала – и что?

– А то, что, когда бы они поженились, вам с мужем ничего б не обломилось.

- Перестаньте! И потом, они с Мариной много лет прожили вместе. Я думаю, она и сын ее в любом случае имеют право и на дом этот, и на квартиру в Москве.

- Нет, согласно Семейному кодексу, ни на что она права не имеет.

- Мы, во всяком случае, ее выселять отсюда не станем.

- Вы говорите, что не вы Гену убили. Хорошо. А кто – как вам кажется?

Женщина нервно оглянулась и понизила голос:

- По-моему, это сделала сама Марина.

- С чего вы взяли?

- А кто, кроме хозяйки, имеет свободный доступ ко всем блюдам? Напиткам?

- Но зачем ей убивать своего сожителя?

- А вы видели, как Гену оплакивает Ариша? Она горюет явно больше, чем Маринка. Наверняка между нею и покойным что-то было. А какая нормальная жена потерпит, чтобы ее муж ей изменял – да с кем? С прислугой! Только я вам ничего не говорила. Еще не хватало нажать мне в лице Маринки врага. Она, знаете ли, особа мстительная.

- Я понял вашу позицию, – заметил я. – Что ж, я вас больше не задерживаю.

Я проводил Веру. Сначала я думал, что следующим вызову мужа Вениамина, но после того как женщина безапелляционно указала мне на Марину, я пригласил на кухню жену убитого. Попутно я оглядел мизансцену, сложившуюся в гостиной. Все пребывали на своих местах, находясь в разной степени уныния. Черный котяра продолжал возлежать на прикрытом трупке. Я взял со стола бутылку виски и вызвал к себе свежеспеченную вдову. Марина безропотно встала и прошла ко мне на кухню.

- Хотите выпить вискарика? – предложил я.

Она испуганно отшатнулась.

- Нет, зачем?

Я понюхал горлышко бутылки: нет, цианидом не пахло.

- Вы подлили яд в бокал своему мужу?

- С чего вы взяли?!

- Вы знали, что ваш супруг и прислуга Арина находятся в связи?

Женщина поникла.

- Да, я знала.

- У вас есть мотив. Вы хотели отомстить супругу за измену и поэтому его убили.

- Нет-нет-нет! – прокричала она. – Он обещал мне, что все прекратит! А Аришку мы договорились уволить, я бы ее рассчитала, со следующего месяца! Нет, нет, я не убивала.

- Так у кого, по-вашему, поднялась рука на Геннадия?

- Вы ведь понимаете, что точно я знать ничего не могу, что у меня могут быть только подозрения?

- Да, я все понимаю. Говорите.

Женщина понизила голос:

- Я думаю, она, Ариша, и убила.

- С какой стати?

- Только она подавала еду и напитки – кому, как не ей, было проще всего подлить яд моему супругу?

- А мотив?то какой у нее, по-вашему, был?

- Она была девушкой. Он совратил ее. Он испортил мои отношения с нею. Теперь она лишится хорошей работы, теплого места.

- С трудом верится, чтобы это могло стать мотивом для убийства.

- А Арина, насколько я узнала ее, особа странная, не вполне адекватная. Даже если б не ее связь с Геней, я бы ее все равно уволила. Вдобавок она по образованию фармацевт. Где-то у себя в Тмутаракани соответствующее учебное заведение окончила. Поэтому в ядах толк понимает.

- Хорошо, я вас услышал.

Я проводил Марину и пригласил на кухню Арину. Она села скромненько, на краешек стула. Глаза у нее были заплаканные. Эта посторонняя, не сильно образованная, провинциальная девушка и впрямь убивалась по покойному гораздо более сильно и искренно, чем жена или же брат.

Я ее с места в карьер огорошил:

- Расскажите, Арина, как вы подлили яд в стакан вашему любовнику.

- Это не я.

- То, что покойный был вашим любовником, вы не отрицаете?

- Чо уж тут отрицать, теперь все видят.

- А кто, по-вашему, отравил Геннадия?

И тут она молвила – совершенно спокойно и убежденно:

– Андрюшка.

– Андрей?! – поразился я. – Сын Марины? С какой стати?

– Слабый он до меня, – эпически начала девушка. – Много раз приступал. А он мне как до фонаря, если по-простому говорить. Гнала я его. А Андрюшка знал, что я с Геной замутила. Ревновал. Бесился. Вот и приговорил отчима-то. – Тут она вдруг спохватилась и заговорила быстро-быстро: – Но у меня против него никаких улик или, там, алибей нет! Это я гипотезу такую построила.

– А сама ты, значит, Геннадия не убивала?

– Нет! Не дура же я.

– Я тебя понял.

Я выпроводил Арину и пригласил к себе в кухню Андрея. Времени поразмыслить у меня особенно не было, но, подумал я, если допустить, что Геннадия ухайдокали домашние – сожительница, пасынок или любовница, – почему понадобилось делать это прилюдно? С нашим участием? Почему не замочить его келейно, втихую? Или расчет был перевести стрелки на кого-то из нас, гостей?

Я усадил молодого человека, сказал ему наконец вытащить наушники и спросил, он ли убил отчима.

– Ты че мне паришь, дядя?

Я не стал пенять на его лексикончик, лишь спросил:

– Арина говорит, что ты в нее влюблен, поэтому ревновал ее к отчиму. За это ты и убил Геннадия.

В ответ юнец разразился длинной и гнуснейшей речью, пересыпанной грубыми ругательствами. Из нее, в кратком и цензурном изложении, следовало, что Арина страдает чрезмерной похотливостью, вследствие чего находится в невменяемом состоянии и потому воздвигает на него напраслину.

Мне захотелось промыть его рот хозяйственным мылом, но некогда было заниматься воспитательным процессом. Поэтому я только прервал его излияния и спросил:

– А кто тогда, по-твоему, отчима убил?

– Конечно, брательник его, Веня, – сказал тот без тени сомнений. – Ты че, сыщик, закон не знаешь: кому выгодно, тот и убил. Вениамин теперь все схарчит: и дом, и хату. А мы с маманей сосем.

– Иди уже отсюда, Цицерон, – поморщился я. Сделав оборот, колесо снова замкнулось на Вениамине. Я выпроводил юнца и попросил брата погибшего пройти в кухню. Но тот в ответ буркнул: «Не пойду я. С какой стати? Кто вы такой и кто вас уполномочивал? Самозванцы вы тут все какие-то».

– Не самозванцы, – вступилась за меня продюсерша. – Назначить Пашу следователем – солидарное решение всех присутствующих в этом доме. И если вы, Вениамин, уклоняетесь от беседы – есть основания полагать, что вы замешаны в преступлении.

– Нет ни у кого никаких оснований! – отрезал Веня. – Не буду я с ним разговаривать, да и все.

Я не стал настаивать. Беседы все равно меня не слишком продвинули в раскрытии убийства. Однако у частных детективов имеются и другие методы, помимо допросов подозреваемых. Например, наблюдения.

Или – включить мозги.

И я подумал: Катя. И вспомнил о том, как в первый же вечер нашего знакомства мониторил Интернет и социальные сети в поисках издания, где она работает, и ее личных публикаций.

Потом я еще раз осмотрел огромную гостиную. Четыре видеокамеры в разных углах, надо же. И еще две на кухне. И не исключено, что есть дополнительно скрытые.

Потом я подумал о черном котяре, который, уютно свернувшись, по-прежнему дремал на теле покойника. И о том, как Эльвира вызывала «Скорую помощь». И тут я все понял.

– Катя, пойдём-ка, – поманил я свою девушку. Только пригласил ее не в кухню, а во двор – прямо из гостиной на улицу вела дополнительная дверь. Тщательно закрыв ее за нами, я огляделся. Видеокамер во дворе видно не было.

Весенний день неспешно угасал. Птицы трещали не умолкая, решая насущные вопросы продолжения рода.

Я подступил к Кате вплотную и напрямик спросил:

– Кто из собравшихся знает? И кого вы используете втемную?

Она сделала лицо кирпичом, но зрачки у нее, я успел заметить, предательски заметались. Она пробормотала:

– Не понимаю. Ты о чем?

– Эльвира, положим, знает, – продолжил я. – Она, скорее всего, кашу и заварила. А остальные?

– Что ты несешь? – с раздражением выпалила девушка, но негодование ее выглядело наигранным, и я, не обращая внимания, продолжал:

– В первый же день нашего знакомства я просмотрел, много ли статей подписано в московских газетах фамилией «Екатерина Маврина». И что бы вы думали? Ни одной.

– Я ведь говорила тебе, что пишу под псевдонимом, – буркнула она.

– И тебе, якобы журналистке, ни разу не хотелось выступить под своим настоящим именем? Не верю, как говорил светоч вашей профессии товарищ Станиславский. Вот в то, что ты актриса, я верю. Не мне судить, хорошая или нет, но меня ты развела знатно. Да и роль руководителя кастинга тебе, я считаю, удалась. Спасибо, что пригласила на главную роль. А я еще недоумевал,

зачем, в самый первый день, ты меня на видео снимаешь? Обычно ведь журналисты только диктофон используют – им информация важна, а не то, как человек держится.

– По-моему, ты бредишь, – зло проговорила девушка.

– Значит, меня Эльвира на главную роль в итоге утвердила? Она ведь у вас тут всем рулит? Интересно бы узнать, участвовали ли в кастинге другие частные детективы? И как далеко в ходе отбора ты заходила с ними?

– Ты явно сошел с ума.

– Да? А яркий свет, который, как специально, включили перед тем, как подали горячее? А видеокамеры, которых в доме полно, но просмотреть которые невозможно? А «Скорая помощь», которую Эльвира вызвала нажатием одной кнопки, я это точно заметил. Одной, быстрым набором. Но у многих из нас телефон спецслужб в быстрый набор забит? Только у детей. А «Скорая помощь» – почему она в такую глушь приехала через пятнадцать минут? А полиция все не едет? А кот, который пригрелся на покойнике и спит?

Но так как Катя не признавалась – хотя губы у нее задрожали, – я распахнул стеклянную дверь и, больше не обращая на девушку внимания, вернулся в гостиную. Ни на кого не глядя, я подошел к лежавшему на полу телу, согнал кота: «Брысь, Экклезиаст!» – а потом размашистым жестом содрал с покойника покрывало, укрывавшее его с головой. Надо отдать ему должное – лицо его при этом не изменилось, не дернулось. Видать, Геннадий и впрямь йогом оказался умелым. Поза «шавасана», или «мертвого человека», удавалась ему что надо. Он и не дышал, казалось. И пульс не прощупывался.

– Ну-с, господа, – провозгласил я, – не настал ли тот момент, чтобы еще раз внимательно осмотреть покойника? Например, где, спрашивается, трупные пятна? За это время – прошло почти два часа – они уже должны были появиться.

Краем глаза я отсматривал реакцию присутствующих. Эльвира хмурилась. Ясное дело, я срывал ей историю – но притворяться я не хотел и не умел. Довольно они меня дурачили. Но все остальные – казалось, они ни в чем не были осведомлены и теперь глазели на меня и на мои манипуляции с трупом как на богохульника или умалишенного. Я распахнул пошире рубашку покойника на груди.

– Ой, беда, – глумливо проговорил я. – Нет, нету никаких трупных пятен. А рефлексы?

И тут я поступил жестоко – но товарищ, морочивший всем голову, того заслужил: я отвесил щелбан по его главному яблоку.

– А! – заорал «труп», схватился за лицо и сел.

– Итак, господа, – проговорил я прежним усмешливым тоном, – мы воочию наблюдаем воскрешение Лазаря. И это достойный финал той трагикомедии, которую поставила гражданка Эльвира при участии Екатерины Мавриной. Bravo!

Я видел, как меняются лица собравшихся – Марины, Вениамина, Веры, Ариши, Андрея, – и понимал, что их всех, как меня, и впрямь обвели вокруг пальца. Никто из них не знал и не ведал, что покойник ложный, а смерть – инсценировка. Тем интереснее было наблюдать за их реакцией – я, догадавшийся чуть скорее остальных, каюсь, находил в этом определенное удовольствие. Можно сто раз винить Эльвиру в изощренном коварстве, но она точно все рассчитала: любопытство и желание подглядеть в замочную скважину – базовое свойство человека, которое кино, а особенно телевидение, прекраснейшим образом эксплуатирует.

Оживший Геннадий поднялся на ноги. Вид у него, надо признать, был довольно виноватый.

Лицо Марины в минуту изменилось от недоумения до потрясения, а затем и гнева. Она сделала пару шагов по направлению к бывшему покойному и залепила ему мощную оплеуху – у него голова чуть не оторвалась.

Ариша, в свою очередь, уселась на стул, закрыла лицо руками, пробормотала: «Господи боже ты мой», – и облегченно заплакала.

Вениамин проорал, адресуясь к брату: «Черт, какой же ты все-таки идиот! Как я тебя ненавижу!» Я видел, что он тоже готов засветить Геннадию в пятак, но Марина счастливо опередила его – два раза лупить шута было перебором, и поэтому он только трахнул кулаком о собственную ладонь и отошел в сторону.

Юноша Андрей разразился длинной и витиеватой матерной тирадой, поминая отчима, его и свою мать, а также присных до пятого колена.

Вера вздохнула: «Боже мой, какие вы все идиоты. Одно слово, артисты».

Вид Кати, вслед за мной вернувшейся со двора, был виноватый – но непонятно с чего: то ли передо мною – за то, что обманула, то ли перед Эльвирой – оттого, что я довольно быстро сорвал им игру. И только Эльвира сохраняла спокойствие – возможно, лишь наружное. Она громко хлопнула в ладоши и провозгласила: «Съемка окончена. Всем спасибо, все свободны!»

Тут воскресший Лазарь вдруг опустился на колени и проговорил: «Простите меня, пожалуйста, все», – и поклонился до земли, уткнувшись лбом в пол. Я бы, может, и извинил его, на него я зла не держал, он мне был никто, и я его не оплакивал – да только не уверен был: отпущение грехов, о коем он молит, – чистая монета или снова игра?

– Вставай, шут гороховый! – зло проговорила Марина, но я заметил, что в глубине души она, пожалуй, восхищается актерскими и йогическими талантами невенчанного супруга, которому удалось провести и ее, и всех прочих на мякине.

Эльвира выглядела довольной.

– Теперь нам надо, – проговорила она, – урегулировать кое-какие юридические формальности. Начнем с вас, Павел. Вы прекрасно держались.

Она достала из своей объемистой сумки отпечатанную на принтере бумагу официального вида и протянула ее мне. То был договор между мною, Павлом Синичкиным, и продюсерской компанией «Эльвира-плюс»: за исполнение роли в документальном шоу «Кухонное следствие» и последующее отчуждение в пользу компании прав на использование моего изображения мне полагался гонорар в размере 6000 (шести тысяч) рублей. Подготовились, значит, заранее и фамилию мою вписали.

– Да вы смеетесь, что ли? – Я вернул документ продюсерше.

– Идемте, – она решительно взяла меня под руку и вывела во двор, где не было никаких видеокамер.

– Вас что, не устраивает сумма? – начала она. – Нормальный гонорар для начинающего актера. Сто долларов за съемочный день.

– Я не актер, и я не хотел сниматься. И не хочу.

– Хорошо, пусть будет триста долларов.

– Вы меня не поняли. Я не желаю освещать своим присутствием это ваше «шоу», построенное на лжи и обмане.

– Пятьсот баксов, но это потолок.

– До свидания.

– Послушайте, Павел! Я, конечно, не видела отснятый материал и могу судить только по своим впечатлениям на площадке, но, поверьте мне, у нас получилось прекрасное шоу. У него будет отличный рейтинг, и его мало того что будут смотреть – о нем начнут говорить, а это гораздо более значимое достижение. Вы в одночасье станете знаменитым, популярным. Это и вашему бизнесу очень поспособствует – вы даже не представляете, насколько сильно. И потом: это только начало. Я и впрямь готова делать постоянное шоу с вами. Я сделаю вас звездой!

– Вы не поняли меня, – вздохнул я. – У вас одно на уме: шоу, рейтинг, звездность. Вы, телевизионщики и киношники, на этом помешались. Вы думаете, что в мире ничего, кроме этого, не существует. Что на этой ерунде свет клином сошелся. И люди, ради того, чтобы засветиться на экране телевизора, готовы на все.

– А это разве не так? – иронически проговорила Эльвира.

– Нет, моя дорогая, не так. Совсем не так. И я вам это докажу. Хотя бы тем, что ничего подписывать я не буду и ни в каких ваших представлениях участвовать не желаю.

Я отстранил ее и зашагал к своей машине. Если признаться, чувствовал я себя довольно тошно. Эльвира, при деятельном участии Кати, развела меня как лоха. А я купился: весна, девушка-артистка, акварелька в подарок. Фу. Я не любил, когда меня разводят и когда я покупаюсь.

Я подошел к своей машине, но тут меня нагнала Катя. Я не знал, этот порыв – ее ли собственная инициатива, или продюсерша надоумила. Выглядела девушка искренней, но кто их знает, актрисуль, где у них кончается искренность и начинается игра.

– Послушай, Паша, – заговорила она, – ты прости меня. Прости, ради бога. Да, это была идея Эльвиры, и это по ее заданию я искала тебя. Наврала про журналистку. Но я ведь нашла. И никто ведь не заставлял меня ни быть с тобой, ни спать с тобой. Я все сама, по своей инициативе и зову сердца. Шоу – это все бред и тлен. Не хочешь, и не надо, Господь с ним. Ты только, пожалуйста, не уходи от меня, только останься.

Да, возможно, и даже наверняка, в ее монологе был элемент игры – но женщины ведь всегда играют, не правда ли? Но надо отдать ей должное: она меня впечатлила.

– Я подумаю, – сказал я. – Но здесь я оставаться больше не хочу.

– Я поеду с тобой.

– Нет. Мне надо побыть одному, подумать.

– Кто же меня в Москву довезет?

– Попросишь свою Эльвиру.

– Пашенька, ну как ты поедешь, ты ведь пил?!

– А ты разве не заметила – весь сегодняшний вечер только минералку. Как знал, что мне фигурять в главной роли.

– Пожалуйста, будь осторожен.

Я сел за руль, закрыл дверцу.

Катя с виноватым видом помахала мне на прощание.

Через пару минут я въехал в лес. Грунтовка вела через сосновый бор, в нем уже стемнело, и птицы, что гомонили здесь с самого рассвета, наконец утихли. Фары дальнего света выхватывали то песчаную дорогу и лужи на ней, то мох пообочь и янтарные стволы сосен. Я выключил кондиционер и открыл все окна. Свежайший, холодный весенний воздух наполнял машину и мои легкие.

Вот продышусь, проветрюсь перед Москвой, думал я, а завтра, на свежую голову, пойму, как мне быть и что делать дальше – с Катей и вообще.

Авторы благодарят за помощь в подготовке рассказа частного детектива Олега Пытова.

Влада Ольховская

Галактика со вкусом рома

Любовь – это купание, нужно либо нырять с головой, либо вообще не лезть в воду. Если будешь слоняться вдоль берега по колени в воде, то тебя только обрызгает брызгами, и ты будешь мерзнуть и злиться.

Сергей Есенин

– Сильная, независимая женщина, и у меня есть кот! А сегодня я буду преследовать мужчину. Ты ведь понимаешь, что я себя персонажем анекдота чувствую?

Зуоми в ответ посмотрела на нее с укоризной и не проявила ни следа сочувствия. Во?первых, она была кошкой, а не котом, а во?вторых, ей было все равно. Лера только покачала головой; устроившись на холодных камнях, она

ближе подтянула к себе сумку.

В этот ранний час кошка была ее единственным собеседником. Город за спиной у Леры только-только просыпался и делал это медленно. Испанцы, похоже, раннее начало дня не особенно любили, и следовало ожидать, что в себя они придут ближе к полудню, а первыми, следуя примеру вестготов, город завоюют туристы.

Перед ней мягко двигалась вперед широкая блестящая лента реки Тахо. Потревожить одного из испанских гигантов могли разве что пороги, напоминающие миниатюрные водопады. Там река брызгалась светлой пеной, а дальше снова дремала. От зеленоватых вод пахло свежестью, и Лере стало любопытно, бывают ли здесь льдины зимой.

Сейчас так точно не было. Ранний март в Толедо баловал тем теплом, на которое дома Лера могла надеяться лишь к середине апреля.

Кошка, стоявшая рядом с ней, издала странную трель, словно напоминая о себе. В целом Лера не любила кошек и уж точно не собиралась заводить их. Когда год назад подруги притащили ей крошечную Зуоми, она была совсем не рада.

– Что это такое? – с недовольным видом осведомилась она, именинница. – И почему у нее нет хвоста?! Вы что, котенка покалечили, чтобы на жалость надавить?

– Никто ее не калечил. Это курильский бобтейл, они без хвостов рождаются! – гордо заявили подруги. – Редкая порода. Ты же хотела собаку с компактностью кошки?

– Я пошутила!

– А мы серьезно нашли. Принимай!

Прошел год, и отчасти они оказались правы. На базовый кошачий комплект Зуоми недотягивала, зато проявляла не свойственные для ее рода собачьи черты. Вот и сейчас она не собиралась ложиться и мурлыкать, она вопросительно смотрела на хозяйку, явно чего-то ожидая.

– Штучку хочешь? – поинтересовалась Лера.

Услышав знакомое слово, кошка издала радостный писк. Тщательно скрывая улыбку, девушка достала из сумки игрушку. В целом под определение «штучка» у Зуоми попадало все, с чем она могла играть, – от пивных крышечек до теннисных мячиков. Но в фаворитах всегда оставались блестящие вещи, поэтому ее любимую игрушку Лера сделала из рыболовных снастей: сняла с приманки для щук крючок, оставив только переливающуюся на солнце рыбку.

Как только игрушка появилась в руках хозяйки, Зуоми позабыла обо всем на свете. Пушистое тельце напряглось, зрачки расширились, напоминая два маленьких портала в космос. Кошка сейчас была похожа на пружину, готовую в любую секунду сорваться.

Когда рыбка легким движением руки девушки была послана в полет, Зуоми попыталась перехватить ее в воздухе. Как показывал опыт, представительница дикой фауны Курил могла подпрыгивать вертикально вверх на полтора метра без каких-либо усилий и ловить непропорционально толстыми лапами летящий на нее предмет. Однако в этот раз координация Зуоми подвела, и она грузным меховым мешочком плюхнулась обратно на землю, а рыбка полетела дальше. Это задержало кошку лишь на секунду, скоро она снова уже бежала за добычей, по-заячьи подбрасывая длинные задние лапы.

О том, что кошка убежит, Лера не беспокоилась: на Зуоми были подтяжки, пристегнутые к четырехметровому поводку на рулетке. Умение выгуливаться на поводке без особых проблем было еще одним замечательным свойством курильского бобтейла.

Пока Зуоми была занята со своей игрушкой, у Леры имелось время подумать. Она для этого и пришла на пустынный берег Тахо в такое время: ей не спалось ночью. Путешествие, которое должно было пойти по стандартной схеме, сделало неожиданный поворот. Она собиралась преследовать человека!

Лера уже два года жила кочевой жизнью. Это было не прихотью, а работой: она вела несколько блогов и сообществ в социальных сетях, самыми популярными из которых были кулинарные и «путевые». Начиналось все как хобби, а теперь у нее имелась своя целевая аудитория, рекламодатели, и увлечение превратилось в настоящий бизнес.

В какой-то момент девушке потребовалось решить, что делать дальше: нанять помощников или самой мотаться по разным странам, делая записи, снимая фото и видеоролики. Лера выбрала второе. Во-первых, это было гораздо интереснее, чем сидеть в офисе. Во-вторых, она втайне надеялась, что хотя бы так удастся с кем-нибудь познакомиться. Она-то думала, что причиной ее неудач в личной жизни были офис и женский коллектив! Но нет, кочевой образ жизни ей тоже особо не помогал. Восьмого марта ей должно было исполниться тридцать, а просветов в личной жизни даже не предвиделось. На что и намекали «добрые» подружки, когда год назад вручили ей котенка. Мол, задумайся, до превращения в безумную старушку-кошатницу – всего ничего, первый шаг уже сделан!

Ее это не радовало, и все же Лера смирилась. Может, просто судьба такая: кому-то везет своего человека встретить, кому-то – нет. Она не раз повторяла и окружающим, и самой себе, что в жизни не будет преследовать мужчину. Но вчера принцип пришлось пересмотреть.

Зуоми в очередной раз принесла ей рыбку, явно довольная собой.

– Ты еще не устала? – усмехнулась Лера. – Не мешай, я тут думаю, как до него добраться!

Ее шпионские планы кошку не интересовали, и она снова безумным зайцем унеслась за своей добычей. Когда она достигала такой скорости, казалось, что пухлая попа с хвостиком-пупочкой вот-вот ударит по не в меру пушистым ушам.

Планы Леры не были связаны с романтикой. Скорее, ей хотелось приключений. За два года даже поездки по разным странам немного приелись. Она все еще наслаждалась новыми впечатлениями, но былого адреналина уже не было. Да и в сообществах, которые она вела, наступило затишье: аудитория не прибывала, и нужен был серьезный толчок, чтобы раскрутиться, актуальная тема, скандальный фактор...

И вчера этот скандальный фактор прошел перед ней по похожей на рыбью чешую брусчатке Толедо, когда она ужинала в уличном кафе. Лера чуть кофе не поперхнулась от неожиданности, решила, что ей мерещится! Но нет, ее не подводили ни глаза, ни рассудок.

Волею судьбы в одном крошечном городке с ней оказался Александр Богданов собственной персоной. Обыватель мог его и не узнать, но в мире людей, связанных с социальными сетями, он уже успел стать легендарной личностью.

По сути, он был спортсменом и персональным тренером, однако прославился не этим. Богданов примкнул к числу людей, которые творили невозможное. Он забирался на вершины небоскребов, проходил по канатам, натянутым на умопомрачительной высоте, поднимался по вертикальным стенам старинных замков и крепостей. И все это – без страховки. Даже на видеороликах было видно, как бьет по нему тот особый ветер, что бывает только на высоте, а он все равно стоит, улыбается даже, как будто умеет летать...

Хотя в некотором смысле он действительно это умел. Александр был аэройогом, вел свой курс. Лере доводилось видеть его ролики; казалось, что этот человек вообще гравитацию игнорирует! С помощью пары тканевых лент он плыл в воздухе, как в воде, и движения, которые казались Лере невероятными, ему давались без особых усилий.

Он не зря прибыл в Толедо. В средневековый город, где уникальных зданий столько, что теряется ощущение времени! С ним были оператор и пара помощников, возможно, юристы – те, что потом вытаскивают его из полиции, когда его задержат за очередной трюк на высоте. Будет что-то уникальное! И если Лере удастся снять это, лучшего способа привлечения внимания к своим страницам и не придумаешь! А еще в глубине души ей просто хотелось посмотреть, как он это делает в реальности, действительно ли умеет побеждать притяжение, или это всего лишь трюк для зрителей...

Чтобы не упустить нужный момент, ей и приходилось преследовать его. Богданов своими планами не делился никогда, ходил по городу в больших зеркальных очках, не хотел быть узнанным. Лера не отставала от него, потому что иначе не могла узнать, где он живет и какими именно зданиями интересуется.

А следить за кем-то в таком городе – неблагоприятное дело. Улицы в некоторых местах такие узкие, что остановись, раскинь руки – и ты сможешь коснуться двух параллельных зданий одновременно. Это все равно что ползти за кем-то по трубе, вплотную, и с непроницаемым лицом заявлять: «Мужчина, вы двигайтесь, двигайтесь, я не за вами, и не важно, что мы двое русских в толпе испанцев, это лишь совпадение!»

Толпа испанцев, кстати, ее жизнь тоже не упрощала. Среди них Лера выделялась, как чайка среди стайки воробышков. Девушка была выше их почти на голову, отличалась белой кожей, светло-голубыми глазами, да и прическа у нее была приметная – коротко остриженные волосы, выбеленные под лен. Богданов был еще выше, он вообще людской поток на улице, как ледокол, разрезал, но ему-то скрываться и не надо было!

Вчера ей удалось остаться незамеченной, но что будет дальше – Лера понятия не имела, ей было неловко от собственных действий, однако азарт не давал отступить. Ей бы сейчас подумать о том, какой рецепт показать читателям своего блога, какие фотографии сделать, а у нее Богданов из головы не идет!

Задумавшись о нем, Лера упустила момент, когда кошка перестала появляться рядом с ней. Это открытие ей совсем не понравилось, Лера подскочила с камней, оглядывая крутой склон, поросший кустами и кактусами.

– Зу! – крикнула она. – Зуоми! Тебя куда унесло, шар пушистый?!

Ответа не было, и немного успокаивало лишь то, что поводок все еще натянут. И все равно это странно, обычно кошка реагировала на свою кличку не хуже собаки. Уже предчувствуя недоброе, Лера потянула за тонкую бечевку, привязанную к рулетке.

Сначала на том конце было сопротивление, потом оно исчезло, и из высокой травы выбежала вполне довольная собой Зуоми. Вот только хозяйка ее радость разделить не могла: кошка была мокрой от кончиков ушей до того шарика, что ей хвост заменял.

Плавала. Ну конечно, стоило догадаться.

– Ты можешь вести себя как нормальные кошки?! Бояться воды, не лезть в реку, не кидаться на змей, в конце концов! Почему тебя на секунду из виду выпустить нельзя?! – возмутилась Лера.

Разгадав не самый дружественный тон, Зуоми оскорбленно выплюнула блестящую игрушку и направилась к переноске, всем своим видом показывая, что игры закончены, царица спать желает. Лера, продолжая бубнить нелестные

характеристики в адрес всех курильских бобтейлов, направилась к игрушке, чтобы забрать ее с собой.

Вот только это была совсем не та рыбка, что она кидала. Предмет, принесенный кошкой, сиял и переливался на солнце, да и по размеру подходил, и все же им оказалась далеко не приманка для щук.

Зуоми притащила откуда-то медальон из дамасской стали. Не узнать такое украшение было сложно: гордость Толедо и радость всех туристок, эти изделия обладали оригинальным стилем. Черная основа и изящный золотой узор на ней ни с чем не перепутаешь, а то, что солидные клыки крупной кошки не оставили на металле и следа, свидетельствовало, что это не подделка.

Украшения из дамасской стали продавались в Толедо в избытке. Настоящие выглядели великолепно и стоили недешево. Они впечатлили Леру, и она планировала обзавестись собственным, однако потом ее отвлекло появление Богданова, и она совсем забыла о ювелирных салонах!

А теперь круглый медальон сиял у нее на ладони. Цепочки при нем не было – скорее всего, унесло водой. Вещица была в идеальном состоянии, возможно, вообще новая! Наверняка какая-нибудь раззява-туристка уронила, когда снимала очередную панораму с моста!

Лера не любила чужие вещи, но и выбросить медальон здесь не могла. Какой от этого толк? Она еще раз огляделась вокруг, однако берега Тахо были пустыни, казалось, что людей поблизости вообще нет, а прямо над ней на холме возвышается город-призрак из прошлого.

– Ладно... – задумчиво протянула Лера. – Допустим, это мне компенсация за все нервы, потраченные на этот пушистый комок шерсти!

Она убрала медальон в потайной карман куртки, защелкнула переноску и направилась к съемной квартире, которая на эту неделю стала ее временным жилищем.

Остановиться в отеле было бы дешевле, но такой вариант Лере давно уже не подходил. Ей нужна была полноценная кухня для съемок видеороликов, да и потом, далеко не каждый отель был готов принять Зуоми. Путешествовать с

кошкой вообще оказалось чуть ли не дороже и сложнее, чем с ребенком.

После прогулки к реке Лера планировала сразу направиться к отелю Богданова, но один неугомонный курильский бобтейл вмешался в ее планы. Кошку пришлось срочно купать, чтобы, высохнув, она не приобрела характерный зеленоватый оттенок реки. Зуоми вынесла это стоически, и лишь в огромных глазах застыло страдание всех кошек этого мира.

– Веди себя прилично, – предупредила Лера, не особо надеясь на результат. – Будешь паинькой – получишь персик.

Персики, мед, клубничное варенье и огурцы входили в праздничное меню Зуоми. К рыбе дочь Курильских островов относилась философски.

Прихватив с собой фотоаппарат, Лера направилась к пункту наблюдения. Она надеялась, что Богданов еще не покинул отель, все-таки вчера он лег поздно. И вместе с тем какая-то часть ее была бы не против, если бы все сорвалось по независящим от нее обстоятельствам. Все-таки страшно было вот так, не вытирая ноги, соваться в чью-то жизнь!

Он остановился в отеле в самом центре, высоко на холме. Чем ближе Лера подходила к нужному зданию, тем сильнее колотилось сердце девушки. Ее не могли отвлечь бурлящие потоки туристов или любопытные взгляды местных, только-только открывавших сувенирные лавки. Она думала лишь о том, что сейчас будет за кем-то следить – и какой скандал начнется, если она все же попадетсЯ.

Несмотря на раннюю весну, Толедо радовал зеленью. Окошки средневековых зданий были украшены многочисленными горшками с цветами, балкончики поражали пестрым уютом, незримые туристам городские служащие уже поработали над клумбами. Небо над серыми каменными стенами города было прозрачно-синим, ясным, и солнце пока не обжигало, а щедро поливало улицы теплом. Чувствовалось, что здесь спокойно не только сейчас, а вообще всегда, и настроение осталось на века...

Лера устроилась на небольшой лавке под старым развесистым деревом, обзавелась стаканом кофе в качестве маскировки и стала ждать. Чего – она и сама не знала. Она просто смотрела на дверь отеля, на флаги, развевающиеся

на синем небе, на башни собора в стороне и старалась успокоиться.

Он ведь мог уйти! А как это узнать? Спрашивать у всех подряд: «Вы тут не видели такого русского – рост где-то с метр девяносто, волосы русые, глаза серые, но этого под очками не видно вообще-то, и тело вообще идеальное? Не видели? Ну, не повезло же вам!»

Она и слов?то столько на испанском не знала!

Кое-как Лере все же удалось успокоиться – помогала мирная обстановка Толедо и горячий кофе. Но стоило из дверей отеля появиться не очередному пухлому туристу, а Александру Богданову, как сердце совершило очередной кульбит.

А когда мужчина напрямик направился к ней, она вообще чуть не пролила кофе на джинсы – что было бы не лучшим первым впечатлением при встрече с ним. На этот раз Богданов был без свиты, вместо очков маскировался капюшоном байки, но вид у него все равно был неприветливый.

– Ну и зачем? – с ходу поинтересовался он.

Возмущение, мгновенно вспыхнувшее в душе девушки, немного заглушило волнение.

– Во?первых, здравствуйте! – парировала Лера.

– И вам не хворать. Какая тут вежливость, если ты за мной второй день бегаешь? Давай начистоту, я не в духе.

– Это я уже вижу...

Образ изящного небожителя, скользящего по воздуху, разбивался на глазах. Правда, Лера и сама не могла толком сказать, каким Богданов должен быть – но уж точно не таким!

– Говорить будешь или нет? – поторопил он.

– Звучит как допрос, – констатировала девушка. – Я могу и уйти!

Она действительно хотела уйти: ей было стыдно, да и восхищение Богдановым растворилось где-то в ясном весеннем небе. Однако он неожиданно сменил гнев на милость – заигрывать с ней не стал, но агрессии в голосе поубавил.

– Ладно, не дергайся, у меня просто настроение ни к черту, а тут еще и ты. Пошли, прогуляешься со мной по городу – так бы все равно следом ходила, а тут хоть рядом будешь. Расскажешь заодно, кто тебя послал.

– Никто. Это была собственная творческая инициатива.

После недолгих раздумий Лера все-таки решилась рассказать ему о мотивах своей неудавшейся шпионской миссии. В этот момент девушка на него не смотрела: не хотела видеть его реакцию, не хотела показывать собственные пылающие от смущения щеки, а еще – не хотела вспахать носом улицу. Характерная манера укладывать крупную гальку на ребро, зародившаяся здесь много веков назад, пешим прогулкам не способствовала. Мало того что гладкие камни скользят, так все это еще и под наклоном! Теперь Лера понимала, почему не видела здесь девушек на шпильках.

А еще она понятия не имела, куда они идут. У Толедо была средневековая планировка, и жителям современных городов, которые в паутине улиц искали хоть какую-то логику, здесь приходилось туго. Когда ей начинало казаться, что она понимает, куда движется, за поворотом оказывался совершенно новый пейзаж. Лера теперь была даже не уверена, что найдет обратную дорогу домой!

Зато Александра лабиринт нисколько не смущал; то ли он так хорошо ориентировался в пространстве, то ли ему просто было все равно, где он идет. Мужчина слушал ее так внимательно, что Лере просто было неловко замолчать. Казалось, что, как только она закончит объясняться, начнется скандал... Но нет. История завершилась, а возмущения со стороны Богданова по-прежнему не было.

– Давай тут присядем, – предложил он, кивая на деревянные лавки у наблюдательной площадки.

Отсюда открывался великолепный вид на Тахо и древние каменные мосты. Того места, где Лера играла с Зуоми, было не видно, но девушку это не интересовало.

Ей достаточно было видеть перед собой зеленеющие холмы... А еще – украдкой поглядывать на своего спутника.

– Я думал, ты фанатка, – признал Богданов.

– Нет... Но меня можно в этой ситуации назвать паразитом. Вроде тех рыбок, что к акулам прилипают...

– Перестань. Это же Интернет, здесь все себя ведут не слишком честно.

– Справедливости ради хочу сказать, что ничего особо бесчестного я не планировала, – уточнила Лера. – Просто хотела снять то, что снимал бы твой оператор, только худшего качества!

– Не боялась, что на тебя юристы моего работодателя накинутся?

– А что с меня взять? Кошку без хвоста и блог с рецептами – большая добыча!

– Не слишком высоко ты себя ценишь, – отметил Александр. – Я не в обиде, мне без разницы, кто меня снимает. Только трюка, скорее всего, не будет.

– Ты не ради него приехал в Толедо?

– Приехал ради него. А выполнять не буду.

– Почему так? – удивилась Лера.

– Потому что впервые в жизни контракт не прочитал! Я был уверен, что они хотят, чтобы я залез на какую-нибудь из старых башен, например на ворота Пуэрта-дель-Соль – там камни крупные, можно и по ним...

– Ты вообще паук или человек? – не сдержала изумление девушка.

– Я аэройог, но, кстати, навернуться мог и я. Всякое бывает... Может, и лучше бы, если бы навернулся. Мог и по Алькантаре побродить...

– А это что, напomini?

– Да мост тот здоровенный, из желтоватого камня... Не суть. Я думал, что такое будет – скандальное, как обычно. А они хотят, чтобы я на той стене покувыркался, где цепи висят, видела такую?

– Видела...

– Ну вот. Только я делать этого не буду, – заявил Александр. – Нашли обезьяну... У меня тоже какие-то принципы есть! Во-первых, это стена церкви, а по церквям я никогда не лазаю. Во-вторых, цепи эти – с рабовладельческих судов, в которых рабы сюда плыли и умирали... Невелика радость. Короче, я не буду. И если мы с боссом моим не сойдемся на светском объекте для шоу, то я поброжу тут туристом, куплю себе магнитик и уеду – все, конец!

– А это не повредит... ну... карьере твоей?

– Да мне без разницы, – пожал плечами мужчина. – Не заплатит этот – наймет кто-то другой. В моем деле конкурентов мало, что мне на руку, могу и характер проявить. Жаль тебя разочаровывать, но ты, скорее всего, останешься без халявной рекламы.

Лера не была уверена, что она получила бы что-то, даже если бы сняла ролик. Это только со стороны казалось, что за Богдановым можно наблюдать незаметно. Даже теперь, когда она открыто гуляла с ним и они вроде как были одни, за ними постоянно наблюдали два мрачных типа.

Сначала Лера вообще не обратила на них внимания. Кого можно выделить в толпе туристов! Тем более что эти двое были смуглые и невысокие, как местные. Однако они слишком часто мелькали рядом, да и теперь никуда не уходили. Они были такими же дилетантами в этом деле, как и девушка, что не делало их присутствие менее ощутимым.

Ей было даже жаль Богданова. Мало того что к непонятным и опасным поступкам подталкивают, так еще пройтись спокойно не дают!

– Я переживу отсутствие рекламы, – заверила она. – Как вообще вышло, что ты не до конца знал условия, когда ехал сюда?

– Повелся, потому что хотелось повестись. Либо сюда бы поехал, либо сел бы, наверное...

– Хорошенькое начало!

Она не ожидала от него такой откровенности. И не была уверена, что он продолжит. Он ведь не знает ее... Он не спросил даже ее имя! Ему было все равно.

Но в этом для Александра, видно, и заключалась вся прелесть. Он не был похож на человека, который легко делится своими проблемами. Сейчас ему хотелось поговорить, и идеальным собеседником как раз и представлялся кто-то без имени; человек, с которым он больше никогда не увидится.

– Я подумывал о том, чтобы прибить нового кобелька своей бывшей, – горько усмехнулся он. – Я даже не заметил, когда она завела этого питомца! Я не верил, что он тот, про которого мне говорили. Метр в прыжке, ходит в маминой кофте и бабочке. Как можно было заменить меня на него? Я решил, она просто чудит, на ревность нарывается. Я планировал изобразить ревность, но не получилось. Когда на него смотрел, смех перевешивал... Я же не могу ревновать ее к вешалке! Он – неодушевленный предмет, я был уверен, что она не сделает такую глупость.

– А когда вы с ней расстались? – осторожно спросила Лера.

– Она со мной рассталась, я с ней – нет. Полгода назад.

– Ого!

– Да не ого это! – отмахнулся Александр. – Уже бывало такое! С тех пор как мы стали жить вместе, она стабильно ныла. Ей не нравилось, что я часто уезжаю, что у меня работа не в офисе, что я рискую, что я не починил крышу на даче ее мамы, хотя постоянно лазаю по крышам... Короче, ей хотелось от меня стабильного графика с восьми до пяти, а потом с пяти до восьми – времени,

посвященного ей. Но так же никогда не было! Мы познакомились на борту самолета, она любила путешествовать... Или говорила, что любила. Куда это вдруг исчезло за пару месяцев?

Лера затаилась, даже дышать боялась. Она понятия не имела, что делать с обрушившейся на нее информацией, как правильно реагировать. Она была только рада, что два мрачных типа не подходят ближе – не нужно им такое слушать, это личное.

– Таня несколько раз от меня уходила, – продолжил он. – Сначала я испугался, потом – нет. Она всегда возвращалась. Мне даже нравится стали ее уходы! Я хоть от скандалов отдыхал... Но я был уверен, что она никуда не уйдет! Когда полгода назад она упаковала вещички и съехала, я думал это очередной финт ушами...

– Какого размера должны быть уши для таких финтов! – не выдержала Лера. – Полгода! Тебе это ни на что не намекнуло?

– Нет... Я был рад покою и не хотел прерывать его.

– Зачем тогда вообще держаться за нее, если без нее тебе лучше?

– Потому что при моем образе жизни это нужно – держаться. Я понимаю претензии Тани, и я не должен был ожидать, что она примет эти разъезды. Женщинам нужно семейное гнездо, нужна стабильность, и я должен был подстраиваться, чтобы сохранить нечто важное... Ты не поймешь.

– Куда мне! – фыркнула девушка. – Уж два года дома не живу – какое тут понимание!

Он не заметил намек; он был слишком сосредоточен сейчас на себе.

– Короче, когда я начал всерьез волноваться, Таня объявила мне, что у нее новая любовь и она наконец «гнездится». Стабильность, спокойствие, радость. Сначала этот хмырь был мамина радость, теперь – ее!

– Тебя больше задело то, что у нее новый мужчина, или то, что он вроде как хуже тебя?..

– Да все вместе, – вздохнул Богданов. – Я притормозил все проекты, начал ее возвращать. Я согласился на эту поездку только потому, что Таня давно хотела увидеть Испанию, и я собирался сделать ей подарок! Она согласилась поехать со мной! А потом, уже когда я был в аэропорту с командой, сбросила мне сообщение, что у нее с «маминой кофтой» все возобновилось, он – любовь всей ее жизни, а я – бревно неотесанное.

– И ты подписал контракт вслепую, лишь бы улететь?

– Начинаешь понимать, – кивнул Александр. – Мне нужно было это тогда. Его ж одним щелбаном можно прибить, там сопля такая... Короче, цирк полный.

С этим Лера была солидарна; ей было и смешно, и обидно. Вот так живешь всю жизнь и думаешь: что с тобой не так? Вроде и внешность есть, и образование, и карьера, а человека близкого нет. А где-то в параллельной вселенной мужчина, который по средним канонам тянет на «Мистер совершенство», пытается изменить себя, чтобы его не променяли на «мамину кофту».

Впрочем, от личностных качеств Богданова идеальностью не веяло, так что Лера решила, что не все так однозначно. Вот пусть и идет к своей Тане! А у нее кошка есть... бесхвостая...

Александр не заметил ее очевидную грусть. Он достал из кармана байки небольшую коробочку из вишневого бархата, повертел в руках. Уже по размеру коробки можно было догадаться, что там внутри. Когда он ее открыл, Лере стало ясно, что интуиция ее не подвела.

На подушечке из белоснежного атласа сияло кольцо. Первым, что поражало в нем, был бриллиант: крупный, многогранный, словно излучающий свет изнутри. Это точно не кристалл Сваровски! Вокруг него разместились камушки поменьше и алмазная крошка, а основой служило белое золото. Несмотря на размер, кольцо оставалось изящным, что лишь подчеркивало его дороговизну.

«По сути, он только что достал из кармана маленький автомобиль – стоимость та же», – подумала Лера.

– А я ведь ей предложение делать собирался, – покачал головой Александр. – На полном серьезе эту дуру замуж позвать хотел, потому и потащился в Испанию, как она мечтала!

– То есть собирался прожить жизнь с человеком, с которым у вас мало общего?

– Ну а что делать? Я не молодею тут! Это не депрессия, просто я чувствую, что семья уже нужна. Я хорошо знал Таню, она не была моей фанаткой, это сам по себе большой плюс. Не люблю, когда на меня слюни пускают. Но это все в прошлом... Эх, швырнуть бы эту штуку в реку, да ведь не докину же, кто-то носить будет... Так, а ну-ка дай руку!

Его тон так резко сменился с задумчивого на деловой, что Лера невольно подпрыгнула.

– Зачем?

– Да не бойся ты, дай!

Не дожидаясь ее реакции, он перехватил руку девушки, достал кольцо из коробочки и без лишних сомнений надел его на безымянный палец Леры.

– О, точно по размеру! – с довольным видом заявил Александр. – Носи на здоровье, считай, это компенсация за твою сорвавшуюся рекламу.

– Ты с ума сошел?! Это же целое состояние стоит!

– И что? Я или отдам тебе, или выкину.

– Но...

– Seriously, выкину!

Он не шутил, Лера по глазам видела. Он действительно собирался выбросить кольцо, как минимум из упрямства. А ей было жаль изящную вещицу... К тому же она не была уверена, что он не передумает.

– А что, если вы с Таней снова сойдетесь? – полюбопытствовала она. – Жалеть же будешь!

– Не сойдемся. Она мне прислала фотку, где она с этим кофтоносцем в постели. Я такое не переносу... Я в этом плане брезгливый парень, не поверишь. Даже если хотел помириться с ней, теперь уже обратного пути нет. Вот поэтому у меня фиговое настроение, которое я чуть не выместил на тебе. Но у тебя теперь есть поощрительный приз, так что вариант не худший.

– А я так не могу! – Лера поспешно достала из рюкзака ручку и визитку, написала адрес своей квартиры. – Вот здесь я живу. Хорошенько подумай, что делаешь! На чек посмотри. Если возьмешься за ум, приходи, я отдам тебе твою побрякушку!

Он принял визитку, сунул в карман, не глядя на текст. По его лицу было видно, что стоимость кольца его не волнует и он не передумает.

– Счастливо тебе. – Александр поднялся со скамейки первым. – Наслаждайся отдыхом. Город-то и правда красивый.

Он ушел, не дожидаясь ее ответа; Лера следила за ним взглядом, пока он не растворился в толпе. Почему-то хотелось плакать, и было ощущение, что она что-то сделала не так, упустила важную возможность. Но какую? Прокручивая их встречу в памяти, девушка понимала, что все сделала правильно, иначе и не могла.

Пожалуй, ей было просто обидно, что он не спросил ее имя...

Ей нужно было работать, а не впадать тут в депрессию. Чтобы отвлечься, Лера продолжила прогулку по улицам Толедо. Шла сама не зная куда, прикидывая, что бы приготовить. Кольцо все еще искрилось на пальце... Она почему-то не решалась его снять.

В своей бесцельной прогулке по серому лабиринту Лера и сама не заметила, как оказалась у серых стен. Подняв глаза, она увидела перед собой грандиозную постройку – и вместе с тем воздушную. Под руками умелых мастеров камень словно становился мягким, превращаясь в кружево. Он завис в пространстве,

как облако пепла, и с него на Леру смотрели лики святых, перед ней расцветали цветы и вились тонкие узоры. Похоже, в своем желании подняться повыше она и оказалась перед кафедральным собором Девы Марии.

Вот о чем ей нужно было думать сейчас. Не об Александре Богданове с его странностями, а об этом кружевном соборе, о хранящихся внутри сокровищах испанских королей, об удивительных бриллиантовых переливах с картин Эль Греко, о том, что художник тоже бродил по этим улицам... В переулках Толедо так много сокровищ, что глупо думать о чем-то чужом, преходящем!

А еще пепельные стены с легким кремовым оттенком наконец подсказали ей, какой ролик создать. Теперь Лера не могла поверить, что не додумалась до этого раньше.

До своей квартиры она добралась удивительно быстро, она уже привыкла к здешнему лабиринту. Девушка поспешно установила камеру, настроила свет, подготовила кухню. Зуоми наблюдала за ней с легким любопытством; она была не из тех кошек, что трутся о ноги. Скорее, своей задачей она считала охрану территории.

Лере казалось, что она уже оправилась после дневного разговора и все хорошо. Но она не сняла перед съемкой кольцо, хотя и знала, что руки будут крупным планом. Она и сама толком не понимала почему.

Когда красный огонек оповестил о начале съемки, она жизнерадостно улыбнулась в камеру.

– Привет, любители путешествий и традиционных рецептов! Сегодня мы с вами в Толедо – древнем городе, который уступил звание столицы Мадриду, настоящей средневековой сказке и потрясающе красивом месте! Хотите оказаться вне времени? Пройдитесь по здешним мостам, побродите по улицам, только надевайте удобную обувь – и все будет прекрасно! А знаете, чем еще знаменит этот город? Толедским марципаном! Он здесь повсюду, и даже зарегистрирован как отдельное национальное блюдо! Из марципана делают начинку выпечки, конфеты, я даже ликер попробовала, когда закупалась ингредиентами для сегодняшнего рецепта! Для меня сладковат, но это дело вкуса, попробовать однозначно стоит! А сегодня мы с вами научимся готовить марципановые фигурки на дому – может, не такие крутые, как в Толедо, но зато свои! Кого мы

сделаем? Правильно, свинку!

Она понятия не имела, почему свинку. У старика Фрейда наверняка нашлось бы объяснение на сей счет, но Лере было не до самокопания.

- Ингредиенты нам понадобится – всего ничего! Конечно же, миндальные орехи, еще – сахарная пудра, миндальная эссенция, розовая вода. Тут возможны варианты: кто-то берет чистый сахар, но вы помните, что я не люблю сильно сладкое. Миндальную эссенцию можно исключить, и все-таки не нужно, она для аромата. Розовая вода – для вкусового оттенка. Но убедитесь, что вы берете именно кулинарную розовую воду! А то потом сами будете мне в комментариях на жизнь и несварение желудка жаловаться! Те, кто рвется доказать, что уже взрослый, могут вместо розовой воды брать коньяк, ликер – словом, что-нибудь в этом же духе. Только не переусердствуйте, ведь до конфет могут добраться дети! Будете потом по дворам ловить пьяного ребенка. Еще в марципан по некоторым рецептам добавляют белок, но я не буду – вы знаете мой принцип: не употреблять яйца без термической обработки.

Это была ее стихия. Мир, где нужно улыбаться, где ты при деле, и не обязательно помнить, что самое близкое для тебя существо – это кошка, которая больше похожа на плюшевого медведя в комбинезоне или эвока из «Звездных войн».

- Для начала чистим миндаль, кожица у нас тут под запретом! Берите орехи сладких сортов, пару штук горьковатых можно примешать чисто для аромата. Самый простой способ очистить орешки – кинуть их на минутку в кипящую воду. Но староверы считают, что от этого блюдо много теряет, так что можете замочить на ночь в холодной воде, если ночи не жалко! – Она подмигнула в камеру. – После этого кожица счищается очень легко, в одно движение. Вот, смотрите!

Она поставила камеру на паузу, чтобы почистить миндаль. Память за монотонным занятием напоминала, что послезавтра у нее день рождения, который она проведет совсем одна... Точнее, вдвоем с Зуоми, которой все равно. Снова подозрительно щипало глаза, и Лера поспешила включить камеру. Это был ее лучший оберег от слез.

– Готово! Совет для ленивых: если вам не хочется возиться с орехами, покупайте сразу миндальную муку. Теперь дробим орехи в блендере, пока они не превратятся в муку таким нехитрым способом. Затем туда же, в блендер, добавляем сахарную пудру. Она должна быть того же объема, что и использованные орехи – но по весу орехов у вас все равно будет больше, все помним физику! Дайте блендеру перемешать все это, он справится лучше нас. Добавляем эссенцию – некоторые советуют чайную ложку, но мне хватает четырех капель. За ней – чайная ложечка розовой воды, и снова мешаем. Смотрите на консистенцию – должно быть как мягкий пластилин! Если видите, что густо настолько, что блендер впадает в депрессию, доливайте кипяченой воды, но совсем чуть-чуть! И вон наш марципан готов. Берем шарик нужного размера, капаем три капли разведенного в воде розового красителя и перемешиваем, чтобы наша свинка стала одного цвета...

Рождение свинки шло полным ходом, когда прямо перед объективом прокатился большой спелый персик, а за ним прошествовали четыре толстые мохнатые лапы. Зуоми было наплевать, идет съемка или нет. Она решила, что пришло время охотиться на добычу.

Пришлось снова ставить камеру на паузу.

– Зюзище! Ты же знаешь, что я терпеть не могу монтировать! Так гладко все шло! Что мне теперь, опять начинать? Снова орехи чистить! Ну уж нет!

На Зуоми упреки не действовали. Ее возмущало лишь то, что и ее, и персик сбросили на пол. Опасаясь за трофей, кошка с трудом подняла его зубами, намереваясь оттащить в убежище.

Лера же хотела вернуться к фигурке свинки, но судьба была против этого. На сей раз девушку отвлек стук в дверь. Сердце невольно вздрогнуло, а взгляд переместился на кольцо.

Неужели все-таки?..

Стараясь не выдать себя шумом, Лера подбежала к двери и выглянула в глазок. Ее догадки подтвердились, но лишь наполовину, и от этого на душе стало тяжело, гадко даже. Александр действительно захотел вернуть кольцо, однако не пришел за ним сам, а прислал своих ассистентов, которые следили за ними в

городе.

Это разозлило Леру, усилило и без того кипевшую обиду. Девушке хотелось побыстрее покончить с этим. Она резко распахнула дверь и зло поинтересовалась:

– Что нужно? Кольцо? Да без проблем!

Она вела себя как минимум негостеприимно – и все равно не ожидала последовавшей реакции. Один из мужчин бесцеремонно втолкнул ее в квартиру, второй поспешно закрыл и запер дверь. На нее налетели с двух сторон, и не успела Лера опомниться, как ее запястья уже были скручены скотчем, а заклеенный рот не давал вымолвить ни слова.

Ее связали за секунду и просто швырнули в угол, туда, где не было мебели. Только там она начала приходить в себя после первого парализующего шока. Мужчины же вообще потеряли к ней интерес. Они метались по квартире, переговариваясь между собой на испанском.

Это не было розыгрышем. Доказательством служили синяки, которые уже начинали формироваться на руках девушки, бесцеремонность в отношении к ней и то, что эти двое сейчас громили ее квартиру. Они старались не шуметь, однако в остальном не сдерживались.

Они лезли в ее чемоданы, нашли сумку с кошельком, камеру, всю аппаратуру... И все это их не интересовало. Мужчины бегло осматривали банковские карточки, презрительно отбросили в сторону наличные деньги, и даже небольшая шкатулка с украшениями их не заинтересовала.

Это вконец сбило Леру с толку. Она привыкла путешествовать одна, привыкла к тому, что с ней ничего не происходит. Но сейчас она связана, беспомощна, дверь и окна закрыты, ни один человек не видит, что здесь происходит! Она одна в этой стране; никто не заметит, если она исчезнет, и на помощь не придет!

Один из мужчин подлетел к ней, прижал нож к горлу и стал быстро что-то говорить на испанском. За время путешествия Лера выучила несколько фраз, но сейчас это никак не помогало. Что он тараторит, брызжа слюной во все стороны, вообще непонятно! Девушка могла думать лишь о том, какое острое лезвие у

этого ножа...

Очевидно, мужчина просто вымещал на ней злобу, он и не надеялся получить ответ. Он даже скотч с ее лица не снял! Он по ее полным слез глазам видел, что она ничего не знает, и все равно вопил. Угомонился он лишь тогда, когда нажал на нож слишком сильно и на него брызнула ее кровь.

В какую-то секунду Лера решила, что это конец. Местный псих убил ее, пусть и случайно, но убил! Однако жутких алых потоков, которые показывают в кино, не было. Похоже, нож просто немного надрезал кожу из-за остроты.

Но это отрезвило и Леру, и нападавшего. Мужчина отстранился, снова вернулся к поискам. А Лера поняла, что ее жизнь теперь зависит только от нее самой. Эти двое, похоже, не киллеры – но они сильно напуганы. Они делают то, к чему не привыкли, и могут убить ее случайно. Убьют, если придется! Она запомнила их лица. Они не могут не понимать этого. Чего они хотят – уже отходит на второй план. С этим пусть полиция разбирается, а ей спастись нужно!

Вот только вопрос – как? У нее не было сил, чтобы порвать скотч, незаметно раскрутить – тем более. Это было бы слишком долго и шумно. И все же человеческое сознание настроено на жизнь в любых условиях, поэтому, вспомнив нож у шеи, Лера мгновенно нашла выход.

Помогло то кольцо, из-за которого она и впустила этих двоих так легко в свою квартиру. Не сводя с них глаз, девушка сняла украшение и стала осторожно, медленно, но упорно надрезать скотч острым бриллиантом. Это удавалось с трудом, и ей казалось, что результата совсем нет... а он был! Понемногу, мучительно медленно, но узлы на ее руках все же поддавались.

Удача не спешила покровительствовать ей. В какой-то момент один из мужчин заметил, что она притихла, посмотрел на нее и нахмурился. Возможно, он и проверил бы, что к чему, если бы его не отвлекли. К этому моменту он имел неосторожность приблизиться к убежищу Зуоми. Кошка решила, что теперь-то она загнана в угол и пора нападать, чтобы спасти себя. Она не царапалась, к этому она была не склонна. Безобидный на первый взгляд «плюшевый мишка» подался вперед и совсем не безобидными клыками прокусил ногу мужчины.

Существенной раны там быть не могло, но внезапная боль напугала, заставила мужчину закричать. Лера поняла, что это ее единственный шанс: если помедлить, то и Зуоми зарежут из мстительности, и ее не пощадят.

Отчаянным усилием она разорвала остатки надрезанного скотча и кинулась к двери. Несмотря на волнение, руки девушки не дрожали, действовала она четко и быстро. Лера отперла дверь, выскочила на улицу, и только там, уже на ходу, содрала скотч с лица.

- Помогите! - крикнула она. - Кто-нибудь!

Увы, армия полицейских на помощь не спешила. Позднее время давало о себе знать: в этой части города было тихо и безлюдно, жизнь сосредоточилась ближе к центру. Нет, конечно, крики Леры вряд ли остались незамеченными. И все равно у нее не было оснований останавливаться. Полиции поблизости нет, за ней гонятся, и вряд ли кто-то из местных будет рисковать собой, чтобы спасти ее!

Так что она продолжила бег по ночным улицам. Судя по звуку у нее за спиной, ее преследователи падали на камнях, она - нет. Лера не помнила, когда у нее последний раз было столько энергии. Адреналин делал свое дело - ей очень хотелось жить.

У нее не было конкретной цели, она полностью доверилась своему подсознанию - и внезапно обнаружила себя перед тоннельным эскалатором, соединяющим Старый город на холме и автовокзал у его основания. Полиции не было и здесь, только случайные прохожие, которые шарахались от нее как от огня!

Выбора не было, она продолжила спуск, но - тут уже не могла помочь никакая фора, металлические ступени замедлили ее. Мужчины настигли ее на площадке между двумя механическими лестницами, прижали к плитам пола. Она знала, что тащить ее обратно они не будут. И, наверное, правильнее для них было бы убить ее... но такого она точно не хотела!

А помогать ей никто не спешил. Немногочисленные люди, что находились здесь, разбежались, и лестницы были пусты. Даже теоретически никто бы не успел добежать до нее!

Но это если пользоваться лестницей. Как оказалось, на площадку можно было попасть и другим путем. Кто-то скользнул по склону между эскалаторами, так быстро и ловко, что Лера даже решила, что ей почудилось.

Однако на реальность происходящего указал тот факт, что один из нападавших слетел с нее, одного удара для этого было достаточно. Второй попытался поднять Леру, чтобы использовать как щит, но такую девушка позволять не собиралась. Она вырывалась настолько отчаянно, что он быстро понял: удержать ее не удастся.

Злоумышленник уже был слишком зол, чтобы отпустить ее. В следующую секунду Лера почувствовала, как ее с силой толкают в сторону – туда, где начиналась темнота обрыва. Она даже успела перелететь через перила, увидеть бездну, в которую могла упасть, и все же кто-то удержал ее. Сильная рука сомкнулась на ее запястье, увлекая обратно на безопасную территорию, и через бесконечно долгую секунду Лера почувствовала рядом с собой защищающее тепло.

– Не бойся, – над ухом наконец-то зазвучала русская речь. – Все уже закончилось.

Когда испанские полицейские изволили явиться, работы для них осталось немного: двое нападавших валялись на земле без сознания. Лера отправилась вместе с ними в участок, ее словно подхватил ураган вопросов, на которые у нее не было ответов. Да еще и на чужом языке! Если бы она оказалась в эпицентре этого одна, она бы уже поддалась истерике.

Но она была не одна. Александр, прекрасно говоривший по-испански, не покидал ее ни на секунду и даже руку ее не отпускал. Благодаря ему Лера и узнала, почему ее чуть не убили.

Мужчинам действительно нужен был предмет, который находился у нее и о котором она благополучно забыла. Медальон из дамасской стали, который утром нашла Зуоми. Впрочем, ради украшения ценой не более пятидесяти долларов никто бы такую погоню не устроил. Подвох заключался в том, что это был совсем не медальон.

В причудливом золотом узоре скрывался компьютерный код, замаскированный под украшение. Курьер должен был доставить товар заказчику, но запаниковал, когда его остановила полиция, и сбросил груз в воду. Полиция ограничилась банальной проверкой документов, а товар нужно было возвращать.

Из семи медальонов, сброшенных в Тахо, курьер и его напарник за сутки нашли шесть. Они решили передохнуть, а когда вернулись, то заметили у интересующего их участка берега Леру, которая держала что-то блестящее в руках и явно была удивлена! Они обо всем догадались, но сразу напасть на девушку не решились.

Они следили за ней весь день, узнали, где она живет. Когда сочли время подходящим, вломились в ее квартиру; тут она невольно помогла им. Обычно они таким не занимались, и у них не было нужного опыта. Но они прекрасно понимали, что будет, если они потеряют микросхему, и пошли на отчаянный шаг. Лера была права: они могли убить ее, готовились к этому. В какой-то момент и они утратили контроль над ситуацией, став еще опаснее.

И то, что не убили ее, пока что не успокаивало до конца. Девушку колотила крупная нервная дрожь, она и сама не заметила, как оказалась в разгромленной квартире. Но здесь почему-то было легче, чем в полицейском участке. То ли потому, что Зуоми требовательно горланила у миски: война войной, а обед почему не по расписанию?! То ли от того, что и теперь она была не одна...

– Спасибо, – слабо улыбнулась она. – За мной должок... который я вряд ли смогу вернуть. В Интернете правильно писали: ты летаешь.

– Я не летаю. – Александр присел рядом с ней, обнял за плечи. – Просто бегаю быстро. Да не трясись ты так! Все уже закончилось...

– Я плакать хочу.

– Да пожалуйста! Если бы я на твоём месте был, я бы уже ревел в три ручья, – подмигнул он девушке. – И тебе не нужно сдерживаться, Лера...

– Ты мое имя знаешь? – поразилась она, забыв даже о страхе.

Как оказалось, он знал не только имя. После того как они расстались, Александр, к своему удивлению, не мог перестать думать о ней. Он осмотрел визитку, залез на ее блоги, почитал статьи о ней. Она стала ему любопытна. И вечером он пришел к ее дому, потому что хотел снова увидеть. Да только войти не решался, не знал, с чего начать. Так и стоял допоздна – пока не увидел, как она выбегает из дверей, перепуганная, а за ней несутся двое явно обозленных мужчин.

– От удивления я сначала даже замешкался, – признал он. – Потому и догнал вас не сразу.

– А потом все-таки прилетел, – улыбнулась Лера. Секундой позже улыбка померкла, и она начала торопливо снимать кольцо, которое не желало покидать палец. – Вот, я должна вернуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее об этом можно прочесть в романе Анны и Сергея Литвиновых «Бойся своих желаний» (издательство «ЭКСМО»).

Купить: https://telnovel.me/litvinovy_anna-i-sergey/on-ona-i-pushistyuy-detektiv

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)